

Литературный МАЯК

№ 8
(236)

Выпуск подготовлен при спонсорской поддержке СХПК Комбината Тепличный

Слово редактору

Любезный читатель, здравствуй!

Вот и сентябрь... Грибов мало, в огородах и полях урожаи аховые... Зато, говорят, черники много, брусника поспевает, клюква... Вот и думаешь - на родной-то земле и болото прокормит.

Николай Рубцов, приезжая из Москвы в свою Ниолу, по ягоды на болото ходил да стихи писал. Про то, как «жалобно плачет на болоте кукушка» и ещё много-много. И ведь (или мне это кажется?) есть в каком-то стихотворении у него эта фраза: «святые ягоды Руси». Ещё я с детства знаю и люблю стихотворение про то, как «на животе лежу и ем бруснику, спелую бруснику, пугаю ящериц на пне, потом валяюсь на спине, внимая жалобному крику болотной птички...» Счастливы тот, у кого в жизни бывали такие дни... А ведь это значит, что счастлив каждый русский человек! Даны нам эти болота, и ягоды, и Рубцов! Свыше даны. На счастье...

Не зря же со всех концов России едут в Вологду, в Тотму, в село Никольское, чтобы прикоснуться к Рубцовским местам, чтобы подышать с ним одним воздухом, постоять на одном ветру, пройти по тем же тропам...

А скоро, в октябре, в Вологде состоятся «Беловские чтения», и почитатели Василия Белова со всего света приедут в Вологду, в Харовск, в Тимонику...

И уж если заговорил я про ягоды и болото, вспомню и Белова: «...Чернику в болоте я тоже поглощаю горстями - разве это не счастье? Чернику горстями... (Смешно, но если б я оставил в городе не только очки, но и свои железные, казённые, как говорит сосед, зубы, я не пропал бы на родимом болоте. Ешь горстями чернику, дави языком, прижимая к нёбу и дёснам спелые ягоды, и с голоду не умрёшь)...

Это из очерка «Душа бессмертна».

«Душа бессмертна» - эти слова теперь на скромном памятнике, что стоит в ограде деревенского кладбища, вблизи Никольской церкви, на берегу речки Сохты, неподалёку от опустевшей деревеньки Тимоники...

Дмитрий
ЕРМАКОВ.

2 сентября исполнилось 80 лет Ольге Фокиной - поэту истинно народному. Она пришла в литературу в 50-х годах прошлого века, и с тех пор её поэзия звучит со страниц книг, с подмостков

сельских клубов и сцен столичных залов... Воплощённые в песню её стихи поют популярные исполнители и академические хоры. Эти песни становятся народными, потому что народ поёт их как своё, заветное... Долгих лет и новых строчек Ольге Александровне Фокиной!

На асфальте заблудился запах сена.
В этом мире, на родимый не похожем,
Всюду стены, всюду каменные стены,
Да и люди будто каменные тоже.
Ни Ивана, ни Василия, ни Марьи.
Бессловесен, словно странник иноземный,
Одурманенный бензиновой гарью,
На асфальте заблудился запах сена.
Кто услышит, кто поверит, как устал он,
Как тоскует он тоскою человеческой?
Хоть бы солнышко дорогу показало,
Хоть бы ветер подхватил его на плечи,
Проводил бы к речке-няне, позже-маме!
Но напрасно озирается кругом он:
Солнце стиснуто громадами-домами,
Ветер пойман, меж углами переломан.
Одинокому не вырваться из плена.
Кинусь, каменные правила нарушив,
Без вопросов под колеса: -Запах сена,
Не беги, меня, пожалуйста, послушай!
Вот тебе моя рука, мои ладони,
Вот тебе моя душа, мое дыханье.
Запах сена, разве ты меня не помнишь?
Разве шёл ты не со мною на свиданье?
Побежим скорее рядом осторожно,
Не дыша: вдохнув, боюсь тебя утратить.
Я ещё не позабыла наши пожни,
Зайчик солнечный из детства,

светик, братик!

Александра Яшина принята в Союз писателей. С тех давних пор каждый волог-

1 сентября исполнилось бы 85 лет поэту Борису Чулкову (1932 - 2014). Первые стихи Бориса Чулкова были опубликованы в 1957 году, в 1964 году по рекомендации

Сентябрь - месяц литературных юбилеев

жанин знал это имя - Борис Чулков. В яркой плеяде вологодских поэтов у Бориса Александровича было и остаётся своё место, свой не заёмный голос.

ОСЕННЯЯ БЕРЕЗА

Нежность красок сентябрьской берёзы!..
Золотисто-жемчужную суть
лишь художник способен без прозы
в золотую же раму замкнуть.

А слова?..

Её шелест напевный
тихоструйно журчит в ветерке,
и грустит она юной царевной
в захолустном лесном уголке.

В час, когда ещё бури лихие
не сошли с омрачённых небес,
под крылом ещё мирной стихии
озаряет она этот лес.

Что-то шепчет осине-подружке
у дремучих боров на краю
и царевной грустит на опушке,
а красу и не знает свою.

Я спешу, далеко не бесстрастный,
втиснуть в слово всю прелесть её,
но всегда бесконечно прекрасней
не слова, а само бытие.

Ветром, воздухом, светом, простором
вся описана лучше, чем мной, -
так трепещет она, что ей впору
стать Поэзии выше самой!..

13 сентября - 95 лет со дня рождения Сергея Васильевича Викулова (1922 - 2006), известного русского поэта, многолетнего главного редактора прославленного журнала «Наш современник».

Оглядываюсь с гордостью назад:
прекрасно родовое древо наше!
Кто прадед мой? - Солдат и землешапец.
Кто дед мой? - Землешапец и солдат.
Солдат и землешапец мой отец.
И сам я был солдатом, наконец.
Прямая жизнь у родичей моих.
Мужчины - те в руках своих держали
то плуг, то меч... А бабы - жёны их -
Солдат земле да пахарей рожали.
Ни генералов нету, ни вельмож
в моём роду. Какие там вельможи...
Мой прадед, так сказать, не вышел рожей,
а дед точь-в-точь был на него похож.
И всё ж я горд, - свидетельствую сам! -
что довожусь тому сословью сыном,

которое в истории России не значится совсем по именам. Не значится... Но коль невогготу терпеть ему обиды становилось, о, как дрожать вельможам доводилось, шаги его расслышав за версту! Ничем себя возвысить не хочу. Я только ветвь на дереве могуем. Шумит оно, когда клубятся тучи, - и я шумлю... Молчит - и я молчу.

15 сентября исполнилось бы 65 лет Вячеславу Сергеевичу Белкову (1952 - 2006), литературоведу, поэту, основателю Рубцовского центра в Вологде.

РУБЦОВ

Над Вологодой кружатся листья,
Такой хоровод золотой.

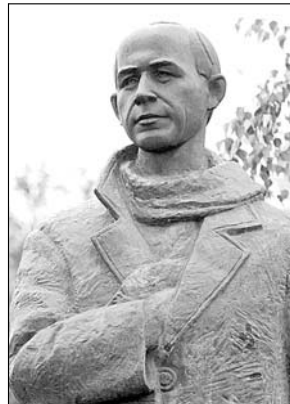
Спокойно. И только, как выстрел,
Крик ворона над головой.
Пророчит суровая птица,
Что нам не дойти до конца.
Темнеет. А ночью приснится
Овал дорогого лица.
Не женщины и не ребёнка -
Рубцова лицо и глаза.
Овал удивительно тонкий
И карей усмешки гроза.
Приснится судьбина поэта,
Метель снеговая опять.
За что мне, зачем всё это?
Мне хочется спать...

И ещё один сентябрьский юбилей - 20-й год подряд в Вологде проводится фестиваль «Рубцовская осень». И в этом году, как обычно, почитатели таланта нашего великого земляка приезжали со всех концов России в Вологду, чтобы почтить его память, прикоснуться к творчеству, чтобы пройти по улицам, что помнят его шаги...

Николай РУБЦОВ

ТОСТ

За Вологду, землю родную,
Я снова стакан подниму!
И снова тебя поцелую,
И снова отправлюсь во тьму,
И вновь будет дождичек литься.
Пусть всё это длится и длится!

Наталья Мелёхина хорошо известна вологжанам как писатель и журналист. Она лауреат всероссийских и международных литературных конкурсов, её рассказы и рецензии публиковались в журналах «Знамя», «Октябрь», «Дружба народов», «Сибирские огни», «Север», «Вологодский лад», «Охотничьи просторы» и многих других, она автор пяти книг прозы, некоторые её рассказы переведены на китайский и арабский языки - солидный «послужной список». Но в «Литературном маяке» проза Натальи Мелёхиной публикуется впервые... Её рассказы понятны и близки читателю, потому что они простым и понятным языком рассказывают о том, что, в какие-то мгновения жизни, волнует каждого человека. Нет в этих рассказах желания угодить - закрученным ли сюжетом, модной ли темой... Но в этих рассказах есть жалость (то есть - любовь) к героям, на которую и отзывается сердце читателя.

Д. Е.

Когда идёшь в лес по грибы, никогда не знаешь, куда выведут тебя тропы, проложенные дважды: первый раз мы проходим их по земле, второй раз - путешествуем по картам нашей памяти. Вместе с другом детства Женькой мы ищем белых в ельнике за деревней. Нам знакомы эти места так, что даже на ощупь мы опознаем не то что каждое деревце, но и каждую былинку, потому что эти травы, этот мох, эти ели росли вместе с нами. Кажется, и они тоже узнают нас по шагам, по запаху, по прикосновениям наших рук к ласковым зелёным лапам. И сам этот жест - будто спрятавшая когти-колючки лапа прижимается к ладони - так похож на рукопожатие.

Даже будучи ещё совсем малышами, мы с Женькой множество раз бывали в этом ельнике с нашими отцами, ныне покойными, с моим папой Мишей, с его папой Толей. Лес

и река - колыбель нашей дружбы, переданной нам по наследству, как некое сокровище. И, будто записанные на плёнку, и сейчас звучат в моей голове отцовские голоса:

- Хочешь напиться, а воды нет, так можно пить и прямо из лужи, но выбирайте самую чистую, проточную. Вот сухой стебель дягиля - вот смотрите! - вот так между коленцами срежешь его, и здесь у дягиля есть перегородка, перепонка из мякоти. Надо в ней ножом дырочки сделать, будет, как дуршлаг у матери, чтоб макароны откидывать. Вот и фильтр: мусор из лужи не пропустит. Через трубочку такую и пить можно. Пейте, робята! Пейте!

И «робята» (так по-вологодски звал нас дядя Толя), и «ребята» (отец мой - родом с Кавказа, он никогда не окал) охотно пили лесные коктейли из луж на дороге, ведущей к вырубке. И была вода из них слаще лимонада,

Наталья МЕЛЁХИНА Пестерь-невидимка

ароматнее и прохладнее, чем «Тархун» со льдом.

В нынешний дождливый год этот старый тракторный путь больше напоминает реку. И пахнет рядом с ним так же - водой и илом, но вырубки больше нет: на её месте новый лес. Тянутся ввысь молодые и тощие, но дерзкие деревья, жаждущие солнца и ветра без меры, жадно сосущие молоко земли через жилы своих корней.

- Ну а если, ребята, заблудились в лесу, и с собой компаса нет, и день пасмурный, то ищите реку, ручей, дорогу, линию электропередач. Идите вдоль - они

всегда к жилью выведут! Друг с другом не разлучайтесь, реку или ручей не переходите, а то ещё сильнее заблудитесь. Коли переночевать в лесу придётся, то помните - на земле не спят. Ставьте лежанку, на неё - настил и лучше под навесом, а напротив - костёр.

О, сколько этих отцовских советов: по одному придётся на каждый наш шаг по земле, и в запасе ещё целый заплечный пестерь останется. Кажется, хотели наши отцы от всего уберечь, от всего сохранить, предостеречь, предупредить.

- «Спаси и сохрани!» - как в

лес идёшь так скажи да на образа перекрестись. В лесу не над всем человек хозяин, порой, не всё там можем мы понять, не всё объяснить. В лесу мы гости, да ещё порой и непрошенные. Идёшь хоть и на час, а спички с собой возьми, в пакет целлофановый заверни, нож, воды бутылочку да хлеба кусок с солью. Ноша не велика, да свой груз не тянет.

Пестерь с советами за моею спиной - груз невесомый, невидимый, неосознаваемый, но сутулятся под ним плечи, совсем, как у моего отца, от прожитых лет. Иду я ельником, в одном кармане - горбушка с солью, в другом - спички, есть с собой и нож, и вода из колодца, и полный-полно уже грибов в ведре. Срезает друг мой Женька последнего белого, щёлкает по тугой шляпке пальцем, и слова моего отца слышу я из его уст:

- Эх, хорош охлопуздик! Звонит, как репка! - Так всегда папа мой говорил про особо крепкий гриб, и фразы эти достались нам с Женькой по наследству.

- Красота-то какая, красотища-ща! - вторю я словами дяди Толи.

И, заглянув в полное с горкой ведро, говорит мне Женька:

- Пойдём домой, Михалч!

И как ответ на пароль:

- Пойдём, Анатолич!

Ирина Кемакова - уроженка Архангельской области. Она и сегодня живёт в Каргополе, преподаёт в школе русский язык и литературу. И пишет стихи. Готовит к изданию уже второй сборник. Её стихи публиковались в журналах «Двина», «Иван-да-Марья» и в других изданиях. Судовольствием представляем читателям «Литературного маяка» подборку стихотворений талантливого автора.

ВПЕРВЫЕ

Всё первое
Осталось позади,
случилось,
состоялось
совершилось.
Порой зажмёт
и заскребет в груди:
осталось ли
хоть что-нибудь
«на вырост»?

Был первый снег,
написан первый стих,
шептала речка
в зарослях пушицы,
была любовь,
прошла...
Душа в горсти:
впервые
ничего
не совершится.

Спрессованная
в дня не новизне,
под дождик,
льющийся
третьи сутки кряду,
тоскую,
жду
хоть знак какой извне,
чтоб изменить
сложившийся порядок.

Ирина КЕМАКОВА «По крестьянской привычке до света встаю...»

Стихает дождик.
Выключаю свет -
светлеет ночь,
и, лёгкие, живые,
танцуют блики
лунные в листве,
как мириады светлячков, -
впервые.

ЯРОСЛАВНА

Сегодня не в ладу с собой легла,
Кровать жесткая,
и душит одеяло...
Глаза закрою -
с чёрных вод Каялы
На русский стан
струится ночи мгла.

Ты мне сказал,
что в бездну мир летит,
А я гнездо свиваю,
как наседка.
Из черноты глухой
стучится ветка
В моё окно. И остро мучит стыд
За косность с равнодушием.
Раздрай
Возник в душе,
покой как будто не был...
А над Каялой кровотоцит небо -
Заря приходит
под вороний грай.

Не воин я. Так многого боясь,
Постичь не тцусь
вселенские масштабы
Умом простой
и сердобольной бабы...
В плену и ранен
светлый Игорь-князь.

Ты говоришь,
что мир идёт ко дну,
Война близка.
А я скажу о главном:
Случись беда,
тебя, как Ярославна,
У неба отмолю. Спасу. Верну.

СЧАСТЬЕ В МЕЛОЧАХ

Отыскиваю счастье
в мелочах:
День выдался погожий -
я и рада.
В тени ажурной летняя веранда,
И на выюнок
садится шмель, ворча.

Мальки резвятся
на речной мели,
Склоняюсь, чтоб умыться
и напиться, -
Бесследно прогоняет сон
водица.
Дух разнотравный
в воздухе разлит.
Соседка с фермы
к завтраку спешит,
Из труб печных дымок
струится сизый,
И жемчуг рос
на нити трав нанизан,
Воздушной паутинкой
день прошит.

Вострит косу, играючи, брусок,
Блестит на солнце
купол колокольни -
Повсюду жизнь,
и счастье душу полнит,
И купол неба
празднично высок.

СВЯЗЬ

По крестьянской привычке
до света встаю,
Обряжаюсь в охотку.
Без щучьих велений
В печке с треском весёлым
займутся поленья,
Старый кот запоёт
у шестка на краю.

Как говаривал дед,
у хозяйки худой
До обеда дымок
из трубы не струится.
Над сервантом на фото
любимые лица:
В тёмной кофте бабуся,
мой «деда» седой.

В этот час предрассветный
особую связь
Ощуцаю с крестьянской
своей родословной
У огня русской печки
и без суесловий -
Со времен стародавних,
без устали длянсь,

Эта связь не прервётся,
хоть годы пройдут.
То, как дратва, груба,
то ажурна, как прошва, -
Это связь поколений
грядущих и прошлых
С настоящим - и счастье,
что я в том ряду.

Это счастье, что в доме
есть русская печь.
Даже солнцу сквозь стёкла
в морозных узорах

У тепла его греться
совсем незасорно.
Дров подкину. Суббота.
Блины время печь.

ЖИВУ

Стряхнув остатки сна,
как шапки снега с веток
На утреннем ветру, дрожа,
стряхнул сосняк,
Печурку растоплю
и, не включая света,
На шаткий табурет
присяду у огня.

Поленья занялись,
скукожилась берёста,
И сладко обмахнёт
берёзовым дымком.
Живу да не тужу,
смотрю на вещи просто.
Вот чайник закипел -
и чаю с сахарком

Попью, не торопясь, -
не велики обряды.
А дальше всё пойдёт
привычной чередой:
Расчищу снег, сварю,
потом полью рассаду,
С ведёрками схожу
на прорубь за водой.

Зайдёт на огонёк
соседка Лизавета,
Шутница - даром что ей
восемьдесят шесть:
«А лажу, девка, я
пожить ещё до лета -
Насолено груздей, дак надо бы
доесть».

Знакомцы позвонят из города:
«Ты что же
Засела там, в глуши?
Деревня - на плаву?»
Поленце для тепла
в лежаночку подброшу
Да только и скажу:
«Вы знаете, - живу...»

Геннадий ЁМКИН

«Течение вод, течение облаков...»

Публикацию стихотворений известного современного поэта Геннадия Ёмкина, живущего в Нижегородской области, я хочу представить (с его разрешения) выдержкой из его ко мне письма...

«...мне вот в эту пору часто представляется наш старый запущенный, от несчастных наездов в деревню, сад, в котором больше всего из насаждений было сливовых, совсем старых уже деревьев и сливовой же поросли - дички. Сливы в этом саду, сколько помню, было всегда не просто много, а настолько много, что сколько ни вози её не по одному и не по два-три ведра в город друзьям и соседям, не перевозишь! Больно уж эту сливу любил мой тесть, Казмирчук Пётр Кондратьевич. Наберёт во все карманы, хромяя рано утром с удочками по усыпанной падалицей тропинке, самых тёмных, холодных и крупных с матовым налётом сливин. А затем, добредши через луг и спустившись с несильного крутояра, уютно расположившись на сухой коряжине у омутка с двумя удочками на рогульках, с наслаждением чередует торжественное внимание рыбьей мелочи и последующее старательное насаживание вертячего червяка, с непременным закуриванием после заброса и ополаскивания рук «Примы». Пускай не главным, но наверняка доставляющим ему даже наслаждение действием, было достать из кармана сливу: протрёт её от остатков тусклого уже налёта, а если она из последних, со дна кармана, то и от табачной или какой другой прилипlosti, и, с видимым наслаждением, мнёт дёснами... Вот уж радость была деду! Затем аккуратно сплунет косточку в ладонь и, стараясь бросить её подальше омутка, на быстринку, скажет:
- Ну, давай, плыви, подруга! Нечего тут...»

Лет десять или двенадцать назад дом в деревне со старым запущенным садом мы продали. Знаю, что покупатели раскатали наш домик, в котором и было-то два окошка, и который служил нашему семейству пятнадцать лет счастливым летним жилищем, на дрова... А о судьбе сада, нашего запущенного сада со старыми сливами, ничего я теперь и не знаю. Он и при нас-то был полудикий, а теперь, наверное, и вовсе заглож, превратился в соловьиный рай. Ну, дай Бог теперь радости да приволья хотя бы птичьему племени...

Вот, Дима, и получилась как-то само собой не «Дим, привет!», а небольшое предосеннее, сентиментальное...
Надеюсь, что про грибы-то ты не забудешь...»
Не забыл...

Д. Е.

* * *
О, это время!
Тихое - до слёз...
До пониманья мира
и приятья
Всего, что ты готов
принять в объятья,
И облака, и тихий свет берёз.
Течение вод,
течение облаков -
Согласно всё молчанию
и грусти.
И только ветер,
что порой припустит
Вдоль просеки,
Листву кружить готов.
Мальчишка ветер...
Скоро о кусты
Исхлещется и ляжет,
успокоясь.
И я опять, ничем
не беспокоясь,
Пойду, со всем - приятель,
и на «ты».

И тихо так, -
Что слышно: в стороне
От просеки,
Не ведая о грусти,
Растут, собой довольные
вполне,
Поскрипывая,
рыжики и грузди,
Да, беспокойный,
уползает уж
Подальше в лес,
где мхами зеленея
Столетними,
под сказки Берендея,
Подрёмывает
бабушкина глушь.

* * *
Травы выпили летние ливни.
Зарядили глухие дожди.
Дорогая! Хоть ты
расскажи мне,
Отчего так тревожно в груди?
Ничего не случилось такого.
Но зачем же подумалось вдруг;
Скоро листья лишатся покоя...
От чего это, милый мой друг?
Листья, те -
не имеют искусства
Рассказать,
что нас ждёт впереди.
Листья просто желтеют.
А грустно...
От чего-то другого в груди.

ЗОЛОТОЕ
Радость моя, не печалься!
Годы считать не спеши.
Есть в этом времени счастье,
Тихая радость души.

Вот уж подумаешь тоже! -
Листья летят на закат.
Есть в этой жизни дорожке
Многое, зримых утрат.

Время раздумий, покоя...
Я не хочу, чтобы вспять...
Знаешь, давай, золотое -
Лучшим отныне считать!

* * *
Я про осень стихи написал.
Мне сказала любимая:
- Осень
Так печально все краски уносит,
Словно ветер
всю жизнь пролистал.

Я любимой читал про закат.
Мне сказала любимая: - Всё же,
Мне рассветные краски дорожке,
Эти - слишком печально горят!
Ну, так что же, скажу соловью

Пусть в стихи мне
добавит такое,
Что любимая, локон рукою
Тронув, скажет:
- Безумно люблю!

* * *
Оставьте все ненужные слова.
Прислушайтесь -
слова иного рода
Несёт в себе и пестует природа.
Она всегда, она во всём права.

Ненужные,
да станут падать ниц,
Да обратятся в прах!
Сама природа
Их обратит в слова иного рода
Достойные гортани певчих птиц.

Наречьем ветра
жизнь сама полна.
Не много надо, чтобы удивиться,
Поняв,
о чём рассказывает птица,
О чём порой печалится волна.

Всего-то надо только:
не спеши
В сердцах, во гневе
слово злое бросить.
А те слова,
что всё же произносим,
Соотнести с мелодией души.

ТЕРНОВЫЙ КУСТ
Какой закат! И даль чиста.
День истончается и тает.
Лишь силуэт того куста
Мне о земном напоминает.

Лишь куст терновый
зацепил
Мой взгляд.
И не даёт отвлечься -
Что лунная родится
млечность,
Предвестник всех
ночных светил.

День истончился до конца.
Вот-вот земное притяженье
Исчезнет.
Только звёзд круженье
Оставив около лица.

И ночь уже. И звёздный хруст.
Земное, истончаясь, тает.
И только куст,
терновый куст
Меня всё держит и терзает.

ПЁТР ЗЛОБИН
Говорят - пошли грибы...
Да такой пошли волною,
Хоть лопатой их гребли!
Хоть иди на них войною!

...Закурил Петро неспешно
И закашлялся в кулак:

- За грибами бы - конечно...
Да без ног, оно - никак...

К новой жизни приспособлен,
На крыльчке всё сидит.
О грибах да о погоде
С кем ни-то поговорит...

Утром - глядь, а гриб стоит
Во дворе:
- Здорово, Петя!
Вот и видит инвалид
Жизнь

в хорошем самом свете.
Взять вчера:
зайчишка ловкий,
Шустрый, заскочил чуть свет,
И, не то, чтоб за морковкой:
Передать Петру «привет».

И весною мне птицей
хотелось
Петь. Но это иначе звалось -
Трепетало, звенело,
летелось!
А теперь, золотое насквозь.

Золотая до странности осень.
Ты уходишь...
Ну что же, добро!
Это золото спеть
удалось мне,
А зима принесёт серебро.

* * *
Сушу грибы.
А запах - Боже!
Такие запахи в раю.
Сушу грибы.
Всего дороже -
Не покупал их по рублю.

Искал грибы я
под берёзами,
В пронзенном солнцем
сосняке.
Берёзы обливались слёзами
На острый нож в моей руке.

Сушу грибы.
И прелый запах,
Как вздох последний их,
ловлю,
Как будто сам
в сосновых лапах
Качаюсь где-то на краю.

Сушу грибы.
А запах - Боже!
И понимаю без прикрас -
Не оттого ли он дороже,
Что, может быть,
В последний раз...

* * *
С ножиками тонкими,
Надев дождевики,
Найдём красноголовики,
Найдём боровики.

Этот - у дороги,
Этот - возле пня.
Так умаем ноги
К середине дня.

Сядем, спрячем ножики,
Поставим кузовки.
А в них красноголовики,
А в них боровики!

Солнечный, багряный,
Лес стоит большой.
Вот оно и ладно,
Вот и хорошо!

ГРУЗДЬ
Под ногами - хрусть!
Наклонился - груздь...

Раскрошилось тело,
Смята бахрома...
Вот какое дело,
Осень-хохлома!

Я обломки белые
Отряхну с руки.
Что же вы наделали,
Братцы-сапоги?!

Вы давайте, сапоги,
Пристальной смотрите!
Вы давайте, сапоги,
Бережной ходите!

Чтобы новый белый груздь
Не вдавили в землю - хрусть!

Вытру млечный сок с руки -
Вот уж незадача!
Друг на друга сапоги
Смотрят, чуть не плача...

* * *
Золотая до странности осень,
(Только изредка охра и медь)
До того,
что мне хочется бросить
Всё земное и птицей запеть.

И весною мне птицей
хотелось
Петь. Но это иначе звалось -
Трепетало, звенело,
летелось!
А теперь, золотое насквозь.

Золотая до странности осень.
Ты уходишь...
Ну что же, добро!
Это золото спеть
удалось мне,
А зима принесёт серебро.

* * *
Сушу грибы.
А запах - Боже!
Такие запахи в раю.
Сушу грибы.
Всего дороже -
Не покупал их по рублю.

Искал грибы я
под берёзами,
В пронзенном солнцем
сосняке.
Берёзы обливались слёзами
На острый нож в моей руке.

Сушу грибы.
И прелый запах,
Как вздох последний их,
ловлю,
Как будто сам
в сосновых лапах
Качаюсь где-то на краю.

Сушу грибы.
А запах - Боже!
И понимаю без прикрас -
Не оттого ли он дороже,
Что, может быть,
В последний раз...

* * *
Небывалый какой листопад, -
Скоро рощи
совсем обнажатся.
Ветер дунет, - и листья летят.
Ветер стихнет, -
и листья кружатся.

Знаешь, ветер! Я тоже, как ты,
Разметал всё, что было,
на листья.
А теперь вот стою у черты,
За которой неясно и мглысто.

Но давай в этот день золотой
Всех обманем -
печалиться нечем!
Это позже ты, резкий и злой,
Надо мною подуешь на свечи.

А пока ты шуршишь без конца
В этих листьях
и носишь их мимо
Палисадника, окон, лица,
Притворимся,
что всё поправимо!

Сергей МУРАШЕВ

Волшебники

Детство Сергея Мурашева прошло в деревне Малая Липовка Архангельской области. Сейчас он живёт в Каргополе, окончил Литературный институт им. Горького в Москве, лауреат ряда литературных конкурсов, член Союза писателей России.

Я называю таких людей волшебниками.

Стоишь где-нибудь в торговом центре. С детьми. Вышел из дома рано, устал. Стоишь, и кажется, занял собой и своей семьёй полздания. Ну, не полздания, но всю лавочку для отдыха и весь пол рядом с ней.

Рюкзак с детскими вещами. Пакет с грязными детскими вещами. Запасные ботиночки. Горшок в пакете один, горшок в пакете второй. Пакет с едой и питьём. Детские курточки и шапочки. Моя большая куртка - жарко в торговом центре. Да ещё покупки разные: пакеты, свёртки. Вертушка на палочке, которую надо нести только в руке как флаг, чтоб не помялась.

И со всем этим надо идти. Дети уже пошли, потопали: один - в свою сторону, другой - в свою.

И тут подбегает к вам девушка, маленькая, худенькая. В джинсах, в джемпере. И с ходу: - Я вижу у вас много вещей, давайте я вам помогу?

Смотришь на неё с улыбкой: «по-мо-гу».

- Я вам двери буду открывать. Всё равно у нас ничего не покупят. Скучно.

И снова улыбается.

- А вот что! - спохватывается девушка: - Я вам пакет дам.

И, в самом деле, вскоре возвращается с пакетом.

- Он большой и крепкий-крепкий. Вы всё сюда сможете сложить.

Теперь она улыбается.

А малыши мои сами собой обратно возвращаются. Увидели, что папа с кем-то разговаривает, с какой-то тетей, и у неё в руках что-то такое, с рисунком, интересное.

Когда сложил большую часть вещей в пакет и пошёл, оценил помощь девушки - так, и правда, намного удобнее и легче. Даже думал, что, если окажусь ещё раз в этом торговом центре, обязательно разыщу эту девушку и поблагодарю. Да разве разыщешь среди столько павильонов.

Но что, собственно, в этом волшебного? Такие случаи происходят часто, люди помогают друг другу бескорыстно. Может, для кого-нибудь и я волшебник... Но почему же, почему же всё так удивительно, так неожиданно. Что ищешь ты - то и даёт, о чём хочешь спросить - то и говорят. Ты опаздываешь на встречу, адрес непонятный, у кого не спросишь - ничего не знают. И вдруг, в самый последний момент, появляется женщина, догоняет тебя сама. В сером берете, в очках, в пальто.

- Я слышала, - отпыхивается от быстрой ходьбы, - я слышала, вы спрашивали дом семнадцатый. Я там жила.

И начинает объяснять, что надо наискосок дворами. До большого жёлтого дома, углового. Вдоль дома, вдоль дома (четыре подъезда), а там арка. И в арку. Через детскую площадку, мимо мусорных баков. И вот он дом, только его обойти надо - подъезды с другой стороны.

Всё понял, перехожу улицу по

светофорам, иду дальше и вдруг оборачиваюсь. Она всё ещё на прежнем месте, смотрит в мою сторону. Заметила, что я остановился словно в нерешительности, и махнула мне рукой, показывая куда идти. Очки блеснули в свете фар. Уже темнеет, уже зажглись фонари. В окнах магазинов и домов свет. И ни за что не пришёл бы я на встречу вовремя и, может даже, не нашёл бы квартиру, если бы не она. Волшебница или нет?

Совсем недавно со мной произошёл случай, который заставил меня вспомнить лица всех моих волшебников, сказать им мысленно: спасибо! Этот случай доказал мне, что это не простые люди.

Срезая путь, я шёл через школьный двор. Школа большая, трёхэтажная. Около крыльца школы стоял старик в чёрном тёплом пальто, но без шапки. Рядом с ним нюхала землю огромная чёрная собака на поводке. Я подошёл к ним. Старик взглянул на меня. Усы чёрные, видимо, крашены. Брови и волосы седые, лицо, раскрасневшееся на морозе.

- Вы не могли бы, пожалуйста, посмотреть. Мне трудно нагибаться.

Я присел на корточки, и в том месте, куда указывала его трость, в снегу, разыскал магнитную карточку.

- Карточка, - сказал я, поднялся и посмотрел на старика.

- А это важный документ? - его качнуло, и он опёрся на трость.

- Не знаю. Здесь фотография мальчика, наверно, школьник потерял, - кивнул я в сторону крыльца. - Может, по ней в автобусе можно ездить.

- Вы не могли бы занести в школу, а я пойду? - спросил он тихо.

- Конечно, не беспокойтесь, - ответил я, мне захотелось сделать хорошее дело.

Я взбежал на крыльцо, открыл дверь, на проходной сидел охранник. Я не сразу смог объяснить, чего хочу от него. Наконец, он понял, положил карточку на стол рядом с экранами видеонаблюдения и обещал передать мальчику.

Я торопливо вышел на улицу, в надежде ещё раз увидеть старика. Но огромный школьный двор был пуст. Я посмотрел во все стороны - никого. Во мне что-то шевельнулось, что-то из детства. Может, этот старик - настоящий волшебник. Нашёл карточку - передал и исчез. А мальчика не будут дома ругать, не надо будет его родителям восстанавливать эту карточку. А, может, это не карточка, а билет в другой мир, в сказочную страну...

Тут я заметил старика. Далекое, за высоким школьным забором из железных прутьев. Он поворачивал за угол соседнего дома, и, мне показалось, что оглянулся в мою сторону.

Значит, всё-таки не чудо, не волшебник он.

Правда, в ту же секунду я подумал, что так быстро нельзя прийти не только до соседнего дома, но и до школьного забора.

В одном большом городе, в средней квартирке с большим телевизором жили маленький полосатый котёнок и пожилой умный пёс жёлтого цвета. Котёнок жил на полу, вместе со своими игрушками, а пёс - на своём зелёном диване. Ещё в квартирке с ними жил хозяин, который иногда - примерно раз в день - выводил их гулять, и ещё реже вывозил в разные интересные места.

И вот однажды он вывез их в деревню. Там тоже стояли дома, в лужах играли птички, двор был окружён забором и деревьями - всё почти то же самое, что и в городе, только больше - в песочницах играют взрослые люди с большими совками, в лужах с огромными птичками нет дна, двор и деревья огромные, - только дома маленькие. А ещё кормят вкуснее.

молока, и вдруг хозяин достал откуда-то один знакомый поводок, тоненький и лёгкий. Котёнок очень обрадовался - теперь он опять будет гулять со своим старшим другом! Пёс поворчал, но всё-таки взял в пасть конец поводка - не тот, который хозяин прицепил к легкому ошейничку котёнка.

Все немножко посидели, вдруг встали и пошли.

Опять котёнок увидел странных белых птиц в красных шапочках, их жёлтых пушистых детишек, в это время взрослые люди взяли свои взрослые совки, дети взяли ведра, смешная дребезжащая машина повезла мешки с секретиками, и все снова пошли играть.

Возле песочницы котёнок очень быстро стало скучно. Пёс дремал, люди занимались

и бросились к котёнку! Некоторые останавливались, поднимали вверх свои брюшки и тоже брызгали кислым, запах становился всё резче, всё больше и больше жучков бросали свои дела и бежали в сторону малыша. Он испугался, быстро забрался на пса, жучки накинулись уже на пса, сначала запутались в его шерсти, но потом один очень удачно укусил пса в нос. Тот взвизгнул, вскочил, не успев проснуться, ударился о дерево, открыл глаза и побежал - быстро-быстро, мимо песочницы с людьми, мимо дома, через двор с птицами в шапочках, по тропинке впрямую в пруд! А котёнок крепко вцепился когтями в собачью шерсть и как настоящий герой ехал сверху! Ветер свистел в маленьких серых ушках, где-то за спиной

Евгений ВИШНЯКОВ (г. Грязовец)

Разные рыжие

Котёнок уже прожил в непонятной деревне целый день. Он напугал целую кучу птиц - и во дворе, и в глубокой луже, и даже поиграл с людьми в секретки. Потом познакомил друга пса со странными розовыми хвостиками, которые живут в земле, и уснул... Уснул, когда пёс нёс его домой.

На следующее утро котёнок опять проснулся в деревне. Люди ещё были дома и как раз наливали ему молока в большую глиняную миску, а ещё накладывали псу целую кучу каши. А пёс этого не видел! Котёнок быстро подскочил к другу, легонько стукнул его лапкой по влажному носу, тот открыл один глаз, увидел кашу и как-то очень быстро проснулся. Люди засмеялись.

У них на столе - котёнок уже знал, что взрослые люди играют там, а не на полу, где можно играть котяткам - стояла блестящая штука. Она тихонько гудела, сверху к ней была прицеплена толстая чёрная труба, а из красивого краника падали капли воды. Люди подставляли под краник чашки, открывали краник, получали горячую парящую воду, добавляли туда или порошок из красивых банок с нарисованными верблюдами, или пакетики с ниточками, и пили, заедая баранками и пряниками (ещё в городе котенок украдкой пробовал и то, и другое - сладко и невкусно).

Котёнок попил своего молока, поел каши у пса, опять попил

своими делами, и уйти куда было нельзя - не пускал поводок. Котёнок поспал, потом ещё немного поспал, потом стало жарко, и он проснулся. Пёс тоже проснулся, потянулся, зевнул, подобрал выпавший кончик поводка, и потянул котенка в тень, под целую кучу огромных деревьев с длинными острыми иглами. Под ними было прохладно, лапки приятно проваливались в мягкий мох, вместо мух жужжали комары, вверху, высоко в ветвях, чирикали птички, вокруг пахло мягко и незнакомо. Пёс немножко остыл и снова улегся спать, а котенок вдруг заметил много маленьких одинаковых рыжих жучков.

Они бежали друг за другом по лесу по своим тропинкам, которые вели к большой жёлтой куче иголок. Туда все бежали с каким-то грузом - червячками, гусеничками, новыми жёлтыми иголками, ловко прятались в норах на боках кучи, появлялись уже без груза и опять куда-то бежали.

«Какие умные, - подумал котёнок, - не копают норки, а сверху строят». Он попробовал подобраться поближе к огромной куче с норками, но поводок не пускал. Тогда он попробовал поймать одного жучка и прижал его лапкой. И вдруг лапку как что-то обожжёт! Котёнок запищал, затряс лапкой, в воздухе резко запахло чем-то кислым, тут же ближайшие жучки остановились, побросали свой груз

гремел гром, внизу стрелой пролетала земля, сзади развевался поводок - это было так здорово! Даже лучше, чем ехать в машине и смотреть в окно! А когда пёс со всего маху влетел в воду, то ещё и брызги красиво засверкали радугой в солнечных лучах! А огромные птицы в воде так громко кричали, так широко махали крыльями!

Наконец муравьи выбрались из шерсти, пёс наплавался и выбрался на берег. Птицы в воде успокоились, котенок спустился на землю, пес красиво отряхнулся от воды, подобрал свой конец поводка и пошел в сторону дома. В это время солнце скрылось за большими черными тучами, в них что-то сверкнуло, опять грохнул гром, друзья ускорились и побежали во двор.

Оказалось, что люди тоже уже наигрались, собрались в доме, пес и котенок пробрались на свое место и улеглись на половики. Люди опять достали свою блестящую штуку с водой и поставили на стол. Хозяин сходил на улицу и принес целую кучу красиво наколотых палок, сложил их в маленькую дверку в кирпичной стене, прямо как лесную кучу с норками в иголках, чем-то чиркнул и вдруг посадил на них что-то маленькое и рыжее. Котенок на всякий случай вздыбил шерстку - маленькие и рыжие ведь кусаются, но этот сначала скрылся среди палок, видимо, спрятавшись, потом выглянул в одном месте, в другом, и вдруг вырос. Котёнок даже чуть не испугался - если бы он поймал в лесу такого большого, то, наверное, было бы очень больно!

В это время на улице пошёл сильный дождь, в туче то и дело сверкало, гремело, шумела вода, в доме стало прохладно. И только от этого рыжего в печке шло тепло - сухое, приятное, если, конечно, его не трогать. Рыжее смотрело на котенка, сушило его шерстку, грело носик, ушки, лапки и хвост, а котёнок, засыпая, смотрел на него через полуоткрытые глазки и благодарно мурлыкал песенку.